

Лучи света быстро угасающей звезды весело носились между осколков разрушенного мира. Они мелькали среди новорождённых метеоритов, отражаясь от жил самородных металлов и кусков, золотистых башен, еще совсем недавно гордо стремящихся к безбрежным, синим небесам.

То были остатки Асгарда, родины асов, народа великих воителей и мудрых вельв. Немногие на просторах вселенной могли сравниться в силе с ними, но Колесо Судьбы сделало очередной поворот, и миру богов пришел конец. Твердь раскрошилась, атмосфера разлетелась по пустоте, вода застыла триллионами острых капель, а пылающая кровь глубин выплеснулась в космос и теперь медленно остывала, излучая свой жар.

Как и было предсказано, огненный гигант Суртур, владыка Муспельхейма, воспарял в Извечном Пламени, дабы обрушить свою ярость на Асгард. Протрубил золотой рог Рагнарёка, возвещая час разрушения Девяти Миров.

Так случалось уже множество раз. Неисчислимые зоны, существование Иггдрасиля и миров, связанных с ним, подчинялись закону циклов. Мировое Древо рождалось, жило и умирало, чтобы родиться вновь, в иной форме, и начать сначала.

Так было, так есть и так... будет?

Циклы не оставались статичны, они и не могли, изменения — это суть жизни. Пути вновь рождённых личностей, народов и целых миров подчас разительно отличались от их же судеб, пройденных прежде. Неизменен был лишь конец. Разрушение всегда начиналось с Асгарда, чтобы после распространиться на все миры в ветвях Иггдрасиля.

Но... на этот раз что-то было не так. Последний Рагнарёк оказался не таким всеобъемлющим и неотвратимым, каким должен быть. Привычный распорядок оказался нарушен.

Среди осколков мира плыло одинокое женское тело. Холод и жар вакуума, казалось, не причиняли ему никакого вреда, но эта устойчивость уже не имела значения. Жалкие остатки одежды едва прикрывали наготу, а открытую кожу уродовали чудовищные ожоги. Правая рука, как и нога, исчезли. Плоть правого бока была содрана до раздробленных рёбер, а лицо наполовину сожжено.

Но, несмотря на все эти раны, в единственном уцелевшем глазу этого истерзанного тела теплилась искра жизни.

Умирать было больно. Всегда больно, долго и мучительно. Хела ненавидела умирать. Она была одной из тех редких существ Девяти Миров, к кому приходили некоторые знания из жизней до прежних Рагнарёков, но радости ей от этого было мало. Эйтри помнил свои самые великие творения. Фрейя лучших любовников и самые разнузданные оргии. Мимир... да, кто же знал, что помнит его похабная голова?

Она же помнила свои смерти. Наверное, это было даже логично, в конце концов, она Богиня Смерти, кому помнить такое, если не ей? Но, во имя Иггдрасиля, как же это отвратительно! Многочасовое истечение жизненной силы, постепенное угасание сознания, боль,

вытягивающая все жилы. И ведь даже не важно, что именно случилось с телом! Хоть на атомы распылишь, в любом случае тянуться это будет невыносимо долго.

«По крайней... мере, этот... театр абсурда закончился, — подумала Хела, с трудом продираясь через подступающее небытие. — Интересно... Рагнарёк всегда похож... на злую комедию?... Но, всё же, было приятно повеселиться... напоследок».

После освобождения из своего узилища у неё была только одна цель — наполнить Асгард силой смерти, чтобы метафизически притянуть к нему Хельхейм. Смерть Одина и её прибытие в Мидгард запустили обратный отсчёт. Свободный поводок Судьбы превратился в строгий ошейник на Глейпнире* и потащил её к Концу Дней. Будущее и прошлое, кои олицетворяли эти стержневые миры, должны были слиться воедино и сгореть в пламени Суртура, чтобы из пепла родилась новая жизнь.

Хела не слишком обрадовалась такому повороту, но сопротивляться судьбе не имело смысла. Девять Миров требовали обновления, так что она повиновалась и полностью отдалась своей роли. Но становиться бессмысленным вихрем смерти было ниже её достоинства, поэтому богиня решила напоследок развлечь себя спектаклем с захватом власти и безумием. Уж столько то свободы, предначертанное ей даровало — главное, чтобы конец приближался с должной скоростью, а прочее неважно. И братцы с Хеймдаллем хорошо вписались в её партию. Будто заранее репетировали, балбесы. Или для них всё было на полном серьёзе? Неужели отец умудрился сделать так, чтобы все не только забыли о ней, но и перекрыл дорожку к Норнам? В её время многие отважные асы и асини совершали опасное паломничество к корням Древа, чтобы попытаться получить пророчество у трёх сестёр, а как с этим в нынешнюю эпоху?

Пока Хела блуждала в своих мыслях, время шло, и её сознание начало медленно угасать. Совсем скоро это закончится, и в следующий раз она откроет глаза уже в новом мире. Как невинное дитя.

«Интересно... кем я буду рождена там? — напоследок подумала Богиня Смерти. — Законной дочерью Одина, как здесь, или... простой асиной, которой будет суждено покорить мощь Хельхейма? А, может быть, вообще... тёмной альвой? Кто знает...»

Бом!

Прогудел далёкий колокол, вынудив сущность Хелы встрепенуться.

«Что?»

Бом!

Второй удар. К сознанию возвращается ясность и ощущения тела — целого и здорового, а не того обрубка, что остался ей после схватки с Суртуром. Она висит среди чёрной пустоты, но вокруг нет ни осколков Асгарда, ни звёзд, только тьма, такая же старая, как само время.

«Где? — вспыхнула непрошенная мысль, и тут же пришло осознание, что это не какая-то часть реального мира, а её собственное ментальное пространство, тело же — просто иллюзия. Осознав это, Хела почувствовала недоумение. Такого не должно было происходить, ведь, чтобы погрузиться в созерцание себя, нужно, как минимум, осознанное желание».

Бом!

Очередной удар колокола становится волной, которая подхватывает её и уносит еще дальше, в

неведомые глубины подсознания. Молчаливая чернота сменяется росчерками света и туманными потоками памяти, среди которых мелькают картины былого.

Пронесются мимо неё годы заточения в Хель. Битва против Валькирий и не слишком примечательные столетия до того. Сражение во всех Девяти Мирах и сопредельном космосе. Первые жизни, взятые её рукой на должности Палача.

Тысячелетия сменяют друг друга. С каждым моментом картины всё более стары и далеки.

Вот король цвергов Эйтри преподносит ей Мьельнир. Он припадает на одно колено, но всё равно возвышается над ней почти вдвое.

Вот отец дарит ей Фенрира. Слепой комочек шерсти легко умещается в её ладонях, тычась то туда, то сюда в поисках пищи. Она колет себе палец кинжалом и кормит волчонка собственной кровью.

Вот в слезах бежит в комнаты отца и матери, впервые увидев во снах проблеск своих прежних смертей. Её неконтролируемая мертвящая сила струится вслед, заставляя камень темнеть, а растения рассыпаться в труху.

Хела летела всё быстрее и быстрее. Вся память её жизни, вплоть до первого вздоха, осталась позади, и теперь мимо проносились только цветные блики да обрывки ощущений, оставшихся от прошлых циклов. Кажется, что этому не будет конца. Движение её укачивает, словно нежные руки матери, и разум, разворошённый случившимся, начинает возвращаться к покою. Но в тот миг, когда она почти прекращает что-то ощущать, полёт завершается.

Не сбавляя скорости, иллюзорное тело Хелы врезалось во что-то, за долю мгновения до удара показавшееся наполовину дремлющему разуму бесконечной пеленой тёмных вод. Её кожу окатил невероятный жар, а затем жгучий холод, вырывая из горла крик боли. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного. Волны сменяли одна другую, сдирая с неё слой за слоем, эон за эоном, пока, наконец, её не выбросило вовне этих «вод», очищенной от всего наносного.

Всё движение прекратилось.

Хела застыла в пустоте, а перед её взглядом раскинулась серая безжизненная планета, изрезанная потоками зеленоватых линий.

«Хель» — мелькнуло в её разуме название мира, давным-давно ставшего её домом. Неважно, что лучшие годы она провела в Асгарде, с этим миром Хела сроднилась, стоило только ей ступить на его безжизненную поверхность.

Она протянула руку, словно желая коснуться планеты, но замерла в нерешительности. На пути её руки возникла кристаллическая дипирамида насыщенно фиолетового цвета, окруженная слабым сиянием. В центре многогранника, словно звезда, пылал маленький огонёк.

Хела заворожённо смотрела на кристалл, чувствуя глубочайшую связь с этой вещью, узнавание и нестерпимое желание обладать. Это её кристалл и больше ничей — само предположение, что им может владеть кто-то другой, вызывало невыносимое омерзение и страх.

Она почти не заметила, как её рука метнулась вперёд, а пальцы коснулись тёплой поверхности. В следующий миг зрение Хелы застелило безбрежное сияние.

Разбитое тело Хелы, плывущее среди обломков Асгарда, вздрагивает и выгибается дугой. Единственный уцелевший глаз широко открывается, а на обугленном лбу вспыхивает символ: вертикальная линия с крестом на вершине и выгнутым полумесяцем, крепящимся внизу справа.

Перед грудью Хелы возникает трещина, из которой в реальность выходит кристаллическая дипирамида. Кристалл чуть отлетает, и тело начинает распадаться на светящиеся пылинки. Они закручиваются вокруг камня, принимая форму полупрозрачного ребёнка, через кожу которого видно плоть, сосуды, кости и кристалл, сверкающий в его груди. Дитя становится плотнее, после чего начинает расти.

Вскоре среди осколков погибшего мира плывёт уже не изуродованное тело Хелы, и не ребёнок, а полностью взрослая, обнаженная девушка с пышной копной волнистых чёрно-фиолетовых волос.

*Глейпнир — в германо-скандинавской мифологии, а именно в «Младшей Эдде», волшебная цепь, которой асы сковали волка-чудовище Фенрира. В некоторых переводах Глейпнир названа не цепью, а путами.

<http://tl.rulate.ru/book/28772/605813>